

Н.И.Бухарин

РАСПАД СССР И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ РОССИИ В ТРАКТОВКЕ ВЛОДЗИМЕЖА МАРЦИНЯКА

Marciniak W. Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej. Krakow. Arkana, 2001, s. 589. (Марциняк В. Разграбленная империя. Падение Советского Союза и возникновение Российской Федерации. Краков. Аркана, 2001, с. 589.)

Польский политолог Владзимеж Марциняк – один из наиболее талантливых представителей нового поколения зарубежных ученых, изучающих современную Россию. Хотя название книги носит (скорее всего по коммерческим причинам) публицистический оттенок, речь идет о серьезном, глубоком научном исследовании, где автор в полной мере реализует свою высокую научно-теоретическую подготовку в различных областях гуманитарного знания. Название монографии отражает ее содержание лишь отчасти, так как под «империей» в ней понимается прежде всего феномен «партия-государство».

Книга В.Марциняка, свободная от идеологических схем и теоретических спекуляций, затрагивает очень важную и слабо разработанную в теоретическом отношении проблему: только в Восточной Европе, в отличие от других регионов мира, охваченных «волнами демократизации», политические трансформации дополнились становлением рыночной экономики. Автор берется за анализ этого неподъемного для большинства современных ученых комплекса проблем, избегая при этом употреблять имеющий более узкое наполнение термин «политическая трансформация». Несмотря на то, что в монографии широко представлены взгляды, оценки российских специалистов и экспертов – политологов, экономистов, социологов и философов, это отнюдь не означает, что автор избегает давать собственные оценки и формулировать нетривиальные выводы. Их очень много и авторская концепция просматривается совершенно четко. За ней стоят как собственные наблюдения и аналитические разработки (В.Марциняк в 1992-1997 гг. работал советником посольства Польши в РФ), так и высокий методологический уровень автора как политолога и философа. Его оценки и выводы носят объективный и взвешенный, а временами и осторожный характер. Однако это отнюдь не означает, что со всеми суждениями автора следует соглашаться.

Хронологически книга охватывает период от начала реформ М.С.Горбачева до событий 3-4 октября 1993 г. в Москве. Основной упор делается на 1991-1993 гг., то есть на переломный этап трансформации Советского Союза в Российскую Федерацию. Автор, определяя позднюю советскую политическую систему как «советскую демократию», а раннюю российскую как посткоммунистическую или постсоветскую, считает, что «вместе с кризисом постсоветской демократии и введением квазидемократического режима Ельцина закончился распад Советского Союза и начался процесс формирования нового государства» (с. 10). Падение СССР напомнило ему крах восточных деспотий – разворачивание сатрапии самими сатрапами, когда власть и собственность были подчинены персональным экономическим интересам, а не принципам общественной рациональности. Российский государственный строй, по его мнению, оказался легализован политически в большей степени обычным частным правом, нежели представлениями об общем благе.

Монография состоит из предисловия, введения, являющегося по своему объему фактически главой, а также пяти глав, пятая из которых носит функцию заключения. Во введении, носящем концептуальный характер, рассматриваются узловые для авторской трактовки проблемы: феномен, генезис и структура «царской и советской империи». Особо освещаются позиция интеллигенции на финише советской эпохи, складывание «бюрократического рынка», регионализация советского пространства. Содержащиеся в этой части книги основные постановки получают обстоятельное раскрытие в основных главах.

По мнению варшавского политолога, принципиальная разница между советской и другими империями (как восточными, так и западными) состояла в том, что ее центром являлась не какая-либо национальная территория или город, а секта «настоящих интернационалистов», целью которой было создание утопической Мировой Советской Социалистической Республики и объединение всех народов в единое целое. Рассматривая структуру Советского Союза, автор полагает, что центром геополитического пространства в данном случае была надтерриториальная организация коммунистической партии. «Внутренним кругом» империи являлась РСФСР (без права автономии и собственной коммунистической партии), «второй круг» образовывали союзные республики, третий – мировая социалистическая система, четвертый – страны социалистической ориентации, пятый – международное рабочее движения, коммунистические партии (с. 31).

Распад Советского Союза вызвали, по мнению автора, множественные причины: разложение экономики, национально-освободительное движение, ошибки в политике правительства, партийные интриги и др. (с. 45). Ключевую роль сыграл также национализм

российский – российский демократы перехватили «националистические» лозунги, а идея суверенитета России привела их к власти. Советский вариант демократизации обернулся также делением КПСС и распадом советского государства, а создание КП РСФСР способствовало ликвидации империи.

Формирование номенклатуры по этническому принципу завершилось возникновением «этнократии», которая после ослабления центральной власти начала борьбу за завоевание реальной власти на местах. Неравномерное экономическое развитие СССР вылилось в резкое нарастание социально-экономических и культурных диспропорций. Завершая рассуждения по этой проблеме тезисом о том, что к распаду Советского Союза якобы привело стремление «порабощенных народов» к независимости, автор не находит подтверждающих его аргументов.

Как утверждает Марциняк, реальный конец «империи коммунистической партии» наступил не тогда, когда распался СССР, а когда состоялись выборы 1989 г. и была аннулирована 6-ая статья Советской Конституции о руководящей роли коммунистической партии: «Горбачев ослабил интегрирующую роль этой партии, но коммунистические реформаторы тогда не были в состоянии создать новую политическую силу, на которую можно было бы опереть конструкцию империи, и выбрали путь оживления советских структур власти. Однако это привело в действие механизм распада» (с. 40). Вряд ли можно согласиться с мнением Марциняка, утверждающего, что «коммунистическая система постепенно становилась все более мягкой, но никогда не теряла своей тоталитарной природы» (с. 50). В период перестройки эта природа менялась, система «партии-государства» постепенно демонтировалась, центр власти перемещался в государственные структуры, возник советский парламентаризм, а партия превратилась в политический институт.

Характеризуя роль интеллигенции в конце 80-х – начале 90-х годов, автор утверждает, что из этого слоя рекрутировалась политическая армия революции, которая вышла на улицы, а августовский путч стал поворотной точкой в истории как «реального социализма», так и интеллигенции. Драма Горбачева состояла в том, что только этот слой был готов принять перестройку и стать социальной базой поддержки реформ. Драма же интеллигенции заключалась в том, что с крахом советской системы она потеряла свою особую роль в обществе. По существу, бедная страна может содержать такую массу работников умственного труда только при условии функционирования тотальной системы перераспределения экономических ресурсов. Интеллигенция стала источником рекрутирования через политические партии, СМИ, аналитические центры и консалтинговые фирмы, органы власти и, особенно, бизнес-структуры новых протоэлитарных социальных групп.

В 80-е гг. в Советском Союзе возникла экономическая система, соединяющая экономические методы управления с элементами рыночной экономики. При этом доминирующую роль играла административная экономика, а элементы свободного рынка выполняли функции, похожие на те, которые в колхозах приходились на долю приусадебных хозяйств – они служили конверсии властных полномочий в капитал. Эта система окончательно сформировалась в период «реформ» Н.Рыжкова и В.Павлова. То был золотой период для элитарных политико-хозяйственных групп. Именно тогда были созданы экономические основы самых сильных финансовых групп и корпораций. В состав привилегированной группы вошли представители политической элиты, директорского корпуса, «комсомольские предприниматели» и т.п.

В условиях отсутствия частной собственности единственно возможной формой рыночной экономики стал бюрократический рынок (этим термином автор как правило определяет как советскую, так и российскую экономическую систему), на котором органы власти и рядовые граждане торговали самой властью, карьерой, привилегиями и льготами, а также социальными позициями. Номенклатура, теневики, уголовные элементы и обычные люди создавали социальную структуру бюрократического рынка. Распад Советского Союза был вызван экстенсивным расширением этого рынка – таков итог концептуальных построений автора. Он рассматривает СССР как структуру, состоящую из почти автаркических субъектов-регионов, считая, что его распад приобрел форму регионализации (понимаемой как процесс суверенизации региональных структур советского пространства), в ходе которой произошла автономизация и других функциональных компонентов государства. Регионализация стала реальной формой преобразования Советского Союза путем разделения его на ряд территориальных единиц (республик) и функциональных единиц (пример – вооруженные силы). В 1989-1991 гг. регионы начали превращаться в «предгосударства», а центральная власть – вести себя как регион, находящийся в состоянии конфликта с остальными регионами. По мнению Марциняка, СССР распался независимо от политических мотивов и поведения тех или иных политиков и систем. Распад был внутренне предопределен структурой советского пространства.

В первой главе «Распад империи» автор рассматривает процесс распада сквозь призму культурной и институциональной динамики империи. Анализируя экономические и политические реформы Горбачева, фиаско ГКЧП, создание коалиции демократов и коммунистических реформаторов, ликвидацию советского государства, он приходит к выводу, что целью перестройки была модернизация системы без политической революции, то есть без ликвидации основных политических институтов. Предполагалась

и техническая модернизация путем частичных реформ в экономике. Вместе с тем, считает Марциняк, перестройка «была не холодным и просчитанным планом, а скорее отчаянно смелым скачком в неизвестность. Такой скачок мог совершить только человек прямолинейный и в значительной степени наивный» (с. 110).

По мнению автора, непоследовательные и половинчатые экономические реформы Горбачева привели лишь к дезорганизации административных методов управления, к хаосу в экономике и окончательному ослаблению дисциплины номенклатуры. Нараставший конфликт между властями России и центром способствовал развитию инфляции и бюджетного кризиса. Неудача горбачевских экономических преобразований породила проекты радикальных рыночных реформ.

Б.Ельцин перед лицом неизбежного экономического и политического краха в октябре 1991 г. решил отказаться от административных методов в экономике и высказался за переход к рынку.

Идеологическим проявлением противоречивости экономических акций Горбачева был раскол компартии на «консерваторов» и «реформаторов». Последние понимали, что коммунистические структуры себя изжили и «все прогнило». Этот раскол привел в конце концов к отделению фасадной части партийного аппарата от реальных механизмов осуществления власти. Аппарат идеологический в 1993 г. создал собственную партию – КПРФ, а аппарат, владевший реальной политической и экономической властью, постепенно дифференцировался, и в течение нескольких лет от номенклатуры отпочковались очередные «группы интересов», которые превратились затем в самостоятельные политические субъекты.

Переход от экономических реформ к политическим на переломе 1988-1989 гг. автор называет важным событием, предопределившим последующие изменения. Важнейшей реформой стала конституционная, в соответствии с которой создавался советский сверхпарламент – Съезд народных депутатов, вводился пост Президента и т.д. Однако эти политические реформы В.Марциняк анализирует скорее поверхностно, упустив из виду такие важные источники, как воспоминания М.Горбачева, Г.Шахназарова, В.Фалина и др., изучение которых позволило бы осмыслить эту проблему более глубоко.

Относительно много внимания автор уделяет демократическому движению в России, констатируя прежде всего: его специфика состоит в том, что оно не приобрело формы сплоченной организационно-политической структуры, развиваясь вокруг «центров консолидации», которыми были видные представители интеллигенции. В середине 1991 г. в руководстве «Демократической России» взяли верх сторонники радикальной либеральной ориентации. Самым большим успехом этого движения стал выбор его кандидата Б.Ельцина на пост Президента России. В контексте раз

вития широкого демократического движения автор анализирует процесс дезинтеграции КПСС.

Выделяя проблему создания ГКЧП, которое привело к полному замешательству среди коммунистов и ускорило процесс реконструкции правящего слоя, он делает вывод, что КПСС окончила свое существование добровольно, без какого-либо сопротивления. По его мнению, роспуск партии и арест авторов чрезвычайного положения ускорили процесс передачи власти новой элите. Значительная часть номенклатуры использовала ситуацию для сближения с лагерем Ельцина. Из компартии вышли несколько посткоммунистических течений. В сумме, как считает польский исследователь, «на сегодняшней политической сцене до сих пор доминирует номенклатура как социальный слой, но «посткоммунизм» не существует как единая сплоченная политическая сила, так как имеет место плюрализм политических и экономических структур» (с. 153). Другую особенность российской демократии он усматривает в том, что партии действуют только на низшем уровне политической системы. Политики, занимающие ключевые посты в органах законодательной и исполнительной власти, всегда находились вне политических партий, образуя отдельную «партию власти».

Согласно диагнозу Марциняка, демократы сознательно стремились к компромиссу с предыдущей элитой для обеспечения мирного эволюционного вхождения в новую систему. Коалиция демократов и коммунистических реформаторов была соглашением узких элит. Ее участники выдвигали различные проекты дальнейшего развития страны. Проект «демокоммунистов» предусматривал постепенный переход к рыночной экономике. Основной целью либерального проекта Г.Бурбулиса и Е.Гайдара было не допустить реставрации прежней системы путем быстрого создания «критической массы» реформ. Осенью 1991 г. вместе с началом реформ рыночные политические реформы были приостановлены. Если в экономике была уже начата посткоммунистическая трансформация, то в политике были сохранены позднесоветские институты и механизмы осуществления власти.

Анализируя феномен Ельцина, В.Марциняк считает, что его президентство было внутренне противоречивым: он был одновременно «патроном различных групп номенклатуры и символом реформ», гарантом модернизации и приватизации, олицетворением либерального политического проекта (с. 169), политически венчая разнородные, часто взаимоисключающие общественные устремления – массового демократического движения и эмансипированной части номенклатуры.

Подробно описывая распад СССР на 15 государств, Марциняк отмечает, что легкость и простота, с которой это произошло, удивляют до сих пор. Отсутствие противодействия этому свидетельствует о том, что имперская модель государственности

исчерпала себя. Попытки Горбачева возродить ее при сохранении роли компартии, при помощи укрепления роли советов привела лишь к углублению противоречий среди партийной элиты и ускорению процесса распада.

Этому явлению в процессе модернизации бюрократического рынка посвящена вторая глава «Политический конфликт интересов». В ней рассматриваются реформы Е.Гайдара, «конфликт вокруг инфляции» и дальнейшая политическая эволюция режима. Важнейший вывод: легкость, с которой произошли ликвидация компартии и распад СССР, связаны с тем, что эти перемены принесли «колоссальную выгоду для бюрократии». Она получила не только новые возможности для своей деятельности, но и демократическую легитимацию своего привилегированного положения. По мнению автора, сопротивление номенклатуры реформам Гайдара было прежде всего борьбой за выигрыш времени, необходимого для подготовки к новой ситуации, поскольку это была борьба за ключевые позиции на рынке, а не борьба с ним. В ситуации, когда высокая инфляция была ценой, заплаченной за оздоровление бюджета, главной задачей основных групп давления было не тотальное противодействие политике правительства, а использование ее в своих целях. Правительство Гайдара освободило предприятия от остатков зависимости от государства и некоторое время они были непосредственными участниками политического процесса.

В.Марциняк отмечает конфликт двух больших коалиций интересов, возникший после падения советского режима. Первая (в неё входили торговый капитал, быстро развивавшаяся сфера услуг, сырьевая промышленность, связанная с этими сегментами экономики часть банковского сектора) была заинтересована в трансформации России в либеральном направлении. Вторую коалицию интересов образовали директора промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Отказ от гонки вооружений, открытие внутреннего рынка и ограничение помощи государства вызвали недовольство большинства директорского корпуса, связанной с ним части бюрократии и местных властей. Автор считает, что борьба между этими коалициями интересов, шедшая вокруг инфляции и приватизации (с. 210-211), выходила за рамки узко понимаемой экономической реформы, в значительной степени определяя смысл всего политического процесса в России после 1991 г. и до финансового кризиса в 1998 г. Он подчеркивает, что парадокс либерализации и трансформации экономики в России состоял в том, что они часто принимали авторитарную политическую форму (с. 211). Такова основная мысль второй главы.

Оценивая реформы Гайдара, автор отмечает, что в условиях слабого государства экономическая программа была тесно объединена с задачей укрепления президентской власти. Как только слишком жесткая финансовая политика начала подрывать доверие

общества к Ельцину, возник разрыв между программой рыночных реформ и политическими интересами президентской власти. Марциняк делает вывод, что в России радикальная экономическая реформа служила не столько выводу экономики из кризиса, сколько решению проблемы кризиса власти. Речь шла о создании новых социальных основ режима (с. 218). В течение многих лет важнейшей целью экономической политики правительства было восстановление контроля государства над публичными финансами и особенно над денежной политикой.

Автор задается вопросом, были ли достигнуты основные цели стабилизационной программы Гайдара, и отвечает: нет. Это связано как со структурными диспропорциями в российской экономике, так и с характером политического процесса, заключавшемся в переходе политической власти в руки среднего и низшего слоя хозяйственной номенклатуры и местной административной номенклатуры. Негативно влияло на ход реализации программы отсутствие детально продуманной концепции реформ. Противники Гайдара не смогли воспрепятствовать либерализации цен, но сумели ограничить масштаб перемен и достижение экономической стабилизации.

Автор полагает, что инфляция была в 1992 г. самым важным полем политики, а борьба с нею была чревата постоянным конфликтом правительства с различными влиятельными общественными группами. Вызываемый инфляцией хаос способствовал укреплению позиций и роли авторитарных политиков. Именно тогда проявился ряд тенденций, в значительной мере определивших ход дальнейшей российской истории, – высокая инфляция, скрытый процесс экспроприации государственной собственности, модернизация механизма бюрократического торга. Они создали условия для проведения авторитарной, антидемократической политики.

Верховный Совет России, констатирует Марциняк, постепенно превращался в центр объединения оппозиции против реформаторской политики президента и правительства. В экономической программе Р.Хасбулатова поддерживались все требования директорского корпуса. Развивался конституционный кризис, причина которого состояла в том, что распределение компетенций между Съездом, Верховным Советом, Президентом и Советом министров не было четко определено. Верховный Совет был мощной организационной структурой, реализовавшей собственную социально-экономическую и внешнюю политику. По мнению автора, конфликт между Президентом и Верховным Советом был конфликтом не между исполнительной и законодательной ветвями власти, а между двумя центрами власти: возникла ситуация двоевластия (с. 273).

В третьей главе «Перемены в отношениях собственности» В.Марциняк детально описывает и анализирует процессы

приватизации в Советском Союзе и России в конце 80-х – начале 90-х годов. В рамках этого широко трактуемого процесса он рассматривает «комсомольское предпринимательство», кооперативы, теневую экономику, трансформацию министерств в концерны, возникновение бирж и первых акционерных обществ, приватизацию силовых структур, СМИ, холдинговую приватизацию и развитие банковского сектора.

Выделяя три этапа приватизации, автор констатирует: в 1987-1991 гг. путем приватизации сферы контактов номенклатуры была создана новая институциональная инфраструктура экономики, а в 1992-1994 гг. молодой капитал вошел в финансовую сферу. Возникла новая группа банков с привилегией обслуживания интересов государства, а на деле через финансовые механизмы произошел переток значительных государственных капиталов в частный сектор. Этот процесс Марциняк называет приватизацией бюджета российским бизнесом. В 1995 г. начался новый, промышленный этап приватизации, когда накопленные в первые два периода средства были направлены на выкуп российской промышленности.

Сложившуюся в России в ходе приватизации 90-х годов экономическую систему автор именует номенклатурным, или бюрократическим капитализмом. Возникновение олигархии, по его мнению было свидетельством того, что в России не сформировалась открытая рыночная экономика – всего лишь эволюционировал советский административный рынок. Изменилась прежде всего его материальная база. Постсоветский административный рынок был нацелен в первую очередь на раздел собственности, а не на производство. Реальная сфера играет в нем весьма небольшую роль и ограничена производством экспортных товаров, в основном сырья. Одновременно произошло отделение государства от административного рынка, содержанием которого является приватизация собственности. Когда возникла олигархия, в центре внимания его представителей оказалась приватизация государства. Это вызвало политизацию всякой хозяйственной деятельности и политическую экспансию олигархии, которая достигла своего апогея в 1996 г. (с. 430-433).

В четвертой главе «Падение августовской республики» в центре авторского анализа – формирование президентской власти, конституционный кризис, декрет № 1400, ликвидация советской власти в России. Как считает ученый, в 1991-1993 гг. созданное государственное здание было «недостроенным», состояло из нескольких блоков, функционировавших по разным принципам и не подчиненных единой логике. Он рассматривает политический кризис двоевластия и как кризис «клановой системы», и как конфликт больших групп интересов. Конфликт между объединенной вокруг структур исполнительной власти частью номенклатуры и

другой ее частью, эксплуатировавшей ресурсы советской демократии, препятствовал формированию нового поля политики. Конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти в 1992-1993 гг. ускорил дезинтеграцию федеральной системы. Длительность конфликта вела к ослаблению всех институтов государственной власти.

В заключительной главе «От “советской демократии” к “сильному президентству”» автор рассуждает о парламентской и президентской системах власти в России, но уходит от формулирования суждения о том, какая из систем власти была бы оптимальной для страны. Словосочетание «советский парламентаризм» он ставит в кавычки и называет его «необычайно ограниченным», поскольку советские органы представительной власти на деле являлись своеобразными органами законодательной власти, соединяющими функции обеих ветвей. Главный вывод автора: советский парламент был центром, тормозящим реформы, а парламентские институты никогда не гарантировали «стабильности демократической трансформации» (с. 562).

Что касается института президента, то, как считает автор исследования, «“сильное” российское президентство формировалось в результате ослабления других органов государственной власти и перехвата их полномочий» (с. 554). Его проблема состояла не в том, что оно было «сильным» или «слишком сильным», а в том, что оно не было достаточно сформированным. Марциняк имеет в виду не только правовую неопределенность компетенций президента и его отношений с другими органами власти, но и отсутствие принципов и практических навыков систематического осуществления власти. Также обращает на себя внимание утверждение польского исследователя о том, что президентский режим в России консервирует переходное состояние общества, которое оставило позади прежний режим, но еще окончательно не определилось в пользу демократии (с. 564).

Монография польского ученого, удачно сочетающая взгляд на советские и российские реалии как извне, так и изнутри, – заметный вклад европейской науки в осмысление политических процессов в СССР и России. Остается сожалеть, что без перевода с польского на русский язык доступ к книге широкого круга российских читателей будет затруднен.